

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.175-192

UDC: 34:342

The principle of separation of powers

Abstract: The modern understanding of the principle of separation of powers encompasses not only the strict division of functions among the branches of government but also emphasizes the importance of their interaction and cooperation. The article proposes a revision of the traditional doctrine of the separation of powers to incorporate a more flexible and adaptive approach to governance. It underscores that effective functioning of the state requires not only a clear delineation of powers but also joint efforts of all branches of government in achieving the common goal of ensuring societal well-being.

Keywords: separation of powers; cooperation between branches of government; doctrine revision; interactive governance; power separation; power limitation; institutional interaction; flexibility of constitutional structure; evolution of the principle of separation of powers.

References

1. Barendt, E.M. Separation of Powers and Constitutional Government. Public Law (1995): 599-619.
2. Barendt, E. M, Is there a United Kingdom Constitution? Oxford Journal of Legal Studies, Volume 17, Issue 1, Spring 1997, pp. 137–146; <https://doi.org/10.1093/ojls/17.1.137>
3. Carolan E. The New Separation of Powers: A Theory of the Modern State. Oxford: Oxford University Press, 2009, 320 p.
4. Dimitrios Kyritsis (Author), George Pavlakos (Series Editor). Shared Authority: Courts and Legislatures in Legal Theory (Law and Practical Reason) UK ed. Edition. (Oxford: Hart Publishing) – 2015, 182 p.
5. David Dyzenhaus and Malcolm Thorburn Philosophical Foundations of Constitutional Law. (Oxford: Oxford University Press, 2013) 332 p.
6. Galligan, Denis (ed.) - Constitutions and the Classics: Patterns of Constitutional Thought from Fortescue to Bentham - Oxford, 2014 (online edn, Oxford Academic, 22 Jan. 2015) - 456 p.
7. Kyritsis, Dimitrios. "Constitutional Review in Representative Democracy." Oxford Journal of Legal Studies, vol. 32, no. 2, 2012, pp. 297–324. JSTOR. Available at: <http://www.jstor.org/stable/41682780>.
8. M. J. C. Vile, Constitutionalism and the Separation of Powers. Oxford: Oxford University Press, 1967, 376 p.

♦ **Oruclu Rustam Afgan oglu** – Master's student on specialty "Jurisprudence" specializing in "Public Law", the Faculty of Political Management at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan (Azerbaijan). E-mail: orudzhlul@list.ru

9. Mollers C., *The Three Branches: A Comparative Model of Separation of Powers*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 275 p.

10. Montesquieu Sh. L. *Oh the spirit of laws*. Moscow, Azbuka Publ., 2023, 832 p. (in Russian).

11. Richard J. Pierce Jr., *Separation of Powers and the Limits of Independence*, 30 Wm. & Mary L. Rev. 365 (1989). Available at: <https://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol30/iss2/11>

12. Roger Masterman, Robert Schütze - *The Cambridge Companion to Comparative Constitutional Law* - Cambridge University Press – 2019, 621 p.

Оруджлу Р.А.♦

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2024.74.175-192

УДК 34:342

Принцип разделения властей

Аннотация: Современное понимание принципа разделения властей включает в себя не только строгое разделение функций между ветвями власти, но также акцентирует важность их взаимодействия и сотрудничества. Статья предлагает пересмотр традиционной доктрины разделения властей, чтобы учесть более гибкий и адаптивный подход к управлению. Она подчеркивает, что эффективное функционирование государства требует не только четкого разграничения полномочий, но и совместных усилий всех ветвей власти в достижении общей цели – обеспечении благополучия общества.

Ключевые слова: разделение властей; сотрудничество между ветвями власти; пересмотр доктрины; интерактивное управление; сепарация власти; ограничение власти; институциональное взаимодействие; гибкость конституционного строя; эволюция принципа разделения властей.

ВВЕДЕНИЕ

В мире конституционного правительства принцип разделения властей вызывает глубокое противоречие. На одной стороне медали все конституционные демократии опираются на форму разделения трех основных ветвей власти - законодательной, исполнительной и судебной. Более того, разделение властей признается как идеал, к которому должны стремиться юридические и конституционные устройства современного государства. Предполагается, что разделение властей является необходимым и ценным принципом, и его соблюдение приносит значимую выгоду. Это предположение имеет долгую историю в канонической литературе по конституционной теории. В XVIII веке разделение властей было признано неотъемлемым противодействием злоупотреблению государственной властью и тирании. Монтескье утверждал, что без разделения властей "не будет свободы!" [10, с. 187–188] 16 статья Фран-

♦ Оруджлу Рустам Афган оглы – магистрант по специальности "Юриспруденция" и специализации "Государственное право", факультет политического управления, Академия государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Азербайджан). E-mail: orudzhlu@list.ru

цузской Декларация Прав Человека 1789 года даже высказала мысль, что любое общество, где нет защиты прав и разделения властей, лишено конституции. До сегодняшних дней теоретики аргументируют, что разделение властей - это суть конституционализма [2, с. 139; 1, с. 601] и универсальный критерий конституционного правительства [8, с. 97; 3, с. 18].

Однако, несмотря на то, что разделение властей является распространенной особенностью конституционных демократий, существуют глубокие сомнения относительно разделения властей в современные времена. Первая линия критики связана с воспринимаемой строгостью требования к разделению. Если требуется полное разделение трех взаимоисключающих функций, осуществляемых тремя ветвями власти, герметически изолированными друг от друга, то это никогда не было реализовано в каком-либо современном государстве [9, с. 8]. Действительно, как отметил один из комментаторов: "если власти действительно были бы разделены таким образом, чтобы каждая ветвь правительства могла бы осуществлять только определенный набор полномочий исключительно от других ветвей, то Нация стала бы неуправляемой" [11, с. 30; 8, с. 318]. Многие аргументируют, что некоторая "смешанность" функций является необходимой и желательной [3, с. 18].

Существует вторая (связанная) линия критики, которая вытекает из обеспокоенности строгостью принципа разделения властей. Если идеал разделения властей требует максимальной независимости и разделения трех ветвей власти, то не подрывается ли это системой контроля и противовесов? Ведь схема контроля и противовесов предполагает определенную взаимную проверку между ветвями власти и, следовательно, определенную степень вмешательства одной ветви в функции и задачи другой [3, с. 32; 9, с. 18]. Как отмечал Джеффри Маршалл, неясно, является ли схема контроля и противовесов "частью или отступлением от теории разделения властей" [5, с. 222].

Третий аргумент заключается в том, что классическое трехветвевое разделение властей, сформулированное в XVIII веке, считается устаревшим и неактуальным, поскольку не учитывает другие источники власти в современном государстве, прежде всего, так называемую "четвертую ветвь" - административное управление. Поскольку административные органы объединяют арбитражные, правотворческие и исполнительные функции, их роль вызывает недовольство у традиционалистов в области разделения властей. Более того, хотя Соединенные Штаты иногда рассматриваются как архетипическая "система разделения властей", всегда существует опасение, что институциональное разделение между законодательной и исполнительной ветвями власти по Конституции США приводит к затяжным противостояниям и неэффективному управлению. Поэтому неудивительно, что американские ученые задаются вопросом о том, стоит ли сохранять принцип разделения властей в современном мире [5, с. 222].

Существуют также концептуальные проблемы. Многие теоретики утверждают, что принцип разделения властей страдает неопределенностью и путаницей. Идеи законодательной, исполнительной и судебной властей не оказались способными к точному определению. И существует значительное разногласие относительно того, какие ценности лежат в основе этой доктрины. Для некоторых целью разделения властей является ограничение злоупотреблений властью, частично путем предотвращения ее концентрации в руках одного лица или органа. Для других его целью является защита свободы и принципа верховенства закона. Еще другие аргументируют, что центральной ценностью разделения властей является обеспечение "эффективности" в правительстве, где под эффективностью понимается "соответст-

вие задач тем органам, которые наилучшим образом способны их выполнить". Возможно, если бы мы смогли разделить различные ценности, которые обслуживает принцип разделения властей, это помогло бы нам осмысленно оценить, что считается достижением идеала, и что находится под угрозой в различных возможных нарушениях.

Цель данной статьи - провести некоторую работу по разъяснению этого путаницы. Она будет структурирована следующим образом. В разделе I рассматривается "чистый взгляд" на разделение властей, основанный на концепции трех взаимоисключающих функций. Аргументируется представление о разделении властей содержит недостатки, но понимание этих недостатков указывает нам на правильное направление. Раздел II представляет пересмотренный взгляд, который стремится удовлетворить критику, направленную против ортодоксального или чистого подхода. Аргументируется, что разделение властей требует разделения власти и полномочий, а не строгого разделения функций. В разделе III утверждается, что разделение властей не ограничивается лишь соображениями о разделении полномочий. Оно должно быть дополнено механизмом сдержек и противовесов. Раздел IV объединяет эти два аспекта, утверждая, что оба они основаны на ценности "согласованного институционального усилия между ветвями власти" [7, с. 297] во имя хорошего управления. Нельзя отрицать, что эта аргументация имеет намек на парадокс. Как может доктрина, призывающая разделить власть, быть основанной на ценности институционального сотрудничества в совместном предприятии? Часть задачи раздела IV будет заключаться в объяснении этого видимого парадокса перед его разрешением.

I. Разделение властей: Чистый взгляд.

На протяжении своей истории "разделение властей" получало одновременно как восторженные похвалы, так и ядовитое осуждение. Но что оно подразумевает? На этот вопрос ответить сложнее, чем может показаться, потому что термин "разделение властей" носит в себе значительную неопределенность. Первый источник неопределенности связан с термином "власти", который может относиться как к институтам (как в случае "властей в стране"), так и к правовой полномочности для выполнения определенных действий, или же к функциям законодательства, исполнения или судебной деятельности. Второй источник неопределенности связан с термином "разделение". Разделение может принимать разные формы и степени. Оно может быть абсолютным или частичным, а частичное разделение может допускать определенную взаимосвязь. Учитывая эти неопределенности, термин "разделение властей" был использован для обозначения широкого спектра различных идей (не все из которых совместимы), включая: триаду взаимоисключающих функций; запрет на множественное занятие должностей; изоляцию, неприкосновенность или независимость одной ветви власти от вмешательства другой; или систему взаимозапирающихся контрольных механизмов. Как же мы можем ориентироваться между этими идеями?

Хорошей отправной точкой является влиятельная формулировка "чистой доктрины разделения властей", предложенная Морисом Вайлом. Согласно чистой доктрине, разделение властей требует: "правительство должно быть разделено на три ветви или отделения: законодательную, исполнительную и судебную. Каждой из этих ветвей соответствует определенная функция правительства: законодательная, исполнительная или судебная. Каждая ветвь правительства должна быть ограничена выполнением своей собственной функции и не должна иметь возможности вмешиваться в функции других ветвей. Кроме того, лица, составляющие эти три органа правительства, должны быть сохранены отдельными и различ-

ными, ни одному лицу не разрешается быть одновременно членом более чем одной ветви. Таким образом, каждая из ветвей будет контролировать другие, и ни одна группа людей не сможет контролировать механизм государства в одиночку" [5, с. 224].

Хотя Вайл признал, что разделение властей редко рассматривалось в такой крайней форме, и еще реже было воплощено на практике, "чистая доктрина" широко используется как идеальный тип или эталон, по которому оцениваются альтернативные представления о разделении властей. Действительно, с ее акцентом на различие между тремя различными типами функций, чистая доктрина часто считается отражением "традиционного понимания того, что правительственные деятельности могут быть классифицированы по трем функциональным направлениям - законодательной, исполнительной или судебной, с каждой функцией, связанной с одной из трех ветвей власти". Считается, что строгое разделение по функциональным линиям лежит в основе "классической доктрины разделения властей" [5, с. 224].

Интересно, что чистая доктрина часто ассоциируется с Монтескье, несмотря на то что Монтескье никогда четко не сформулировал теорию функционального разделения и специализации в ее чистом виде. Более того, его трипартитное различие было широко критиковано как чрезмерно упрощенное, даже в XVIII веке [4, с. 107]. Тем не менее, теперь общепринято считать классическую теорию разделения властей "теорией о разделении между тремя различными функциями", вдохновленной Монтескье, и что принцип запрещает любое смешивание функций. Какова бы ни была правда о его интеллектуальном происхождении, "чистая доктрина" оказала стойкое влияние на наше представление о том, что требует разделение властей. Она стала ортодоксальным пониманием того, что требует принцип [6, с. 236]. Поэтому мы должны подвергнуть это представление тщательному анализу.

Чистый взгляд на разделение властей включает три центральных элемента: разделение институтов, разделение функций и разделение персонала. В данной главе я сосредоточусь на аспекте разделения функций, так как именно эта идея лежит в основе чистого взгляда. Существует две ключевые особенности этого требования, на которые стоит обратить внимание. Первая особенность заключается в том, что чистая доктрина функционального разделения предполагает "однозначную корреляцию" между тремя ветвями власти и их соответствующими функциями. То есть каждой ветви правительства соответствует определенная функция, которая определяет ее название. Можно назвать это "одна ветвь - одна функция". Вторая особенность состоит в том, что каждая ветвь должна быть ограничена выполнением своей собственной (единственной) функции и не должна вмешиваться в функции других ветвей. Для нее выполнение любой другой функции было бы превышением полномочий. Можно назвать это "разделение как ограничение" [5, с. 225]

Обе эти идеи - "одна ветвь - одна функция" и требование "разделения как ограничение" - имеют серьезные проблемы. Давайте начнем с идеи "одна ветвь - одна функция". Утверждение о том, что между функцией и ветвью существует однозначная корреляция, невозможно подтвердить в любом современном государстве. Как хорошо известно, исполнительная власть обычно выполняет значительную законодательную функцию в форме "делегированного законодательства". Более того, во многих странах исполнительная власть играет ведущую роль также и в первичном законодательстве. Исполнительная власть является поразительно многофункциональной.

Даже если мы отложим в сторону исполнительную власть, серьезные проблемы возникают и в отношении судов и законодательных органов. При рассмотрении судов мы видим,

что судебная ветвь должна поддерживать порядок в суде и управлять судебными учреждениями (тем самым осуществляя исполнительные функции). Суды также осуществляют законодательные функции, устанавливая правила, регулирующие процедуры судебных заседаний и затраты на судебные процессы. Многие также утверждают, что, разрешая споры о том, что требуют юридические нормы, суды также создают новые законы, хотя и в определенных пределах. В системах общего права, безусловно, широко признается, что законотворчество - в определенных пределах - является неизбежным и законным элементом роли судьи. Более того, в тех юрисдикциях, где судам предоставлена власть отменять законодательство за несоответствие конституционным правам, идея о том, что судебная функция исключительно в том, чтобы применять закон, выглядит, мягко говоря, противоречиво. Когда мы обращаемся к законодательной ветви, вырисовывается аналогично многофункциональная картина. Законодательная ветвь должна поддерживать порядок в законодательном органе, управляя процессом голосования по законопроектам (исполнительная функция), и также должна разрешать споры по вопросам пренебрежения и нарушения привилегий (по крайней мере, аргументируемо судебная функция).

Очевидно, что строгий подход "одна ветвь - одна функция" не может быть поддержан как описание реальности, потому что все три ветви осуществляют все три функции в определенной степени. Для того чтобы каждая ветвь была хорошо организована для выполнения своих задач, им необходимо выполнять исполнительные, законодательные и судебные функции. Эта многофункциональность подрывает объяснительную силу чистой доктрины. С ее монолитным настойчивым требованием, чтобы каждая ветвь выполняла только одну функцию и никакую другую, она кажется представляет собой теорию, которая не учитывает сложные институциональные реалии современных государств. Неудивительно, что "проблема различения трех функций правительства долгое время и по сей день остается одной из самых труднопреодолимых загадок в конституционном праве" [5, с. 226].

Существует ли способ сохранить функциональную классификацию, которая считается основой разделения властей? Один из вариантов - смягчить строгость требования "одна ветвь - одна функция" и признать, что это вопрос степени. Согласно этому подходу, каждая ветвь правительства имеет основную функцию, хотя иногда она может выполнять и другие функции на периферии. Таким образом, можно сохранить некоторую корреляцию между ветвью и функцией, не требуя строгой однозначной соответствия, которое предполагает чистая доктрина.

Ясно, что подход с "основными функциями" к разделению властей представляет собой более обоснованный и перспективный подход, как с точки зрения описания, так и с точки зрения нормативной оценки. Допуская определенную степень многофункциональности, он устраняет возможные утверждения о том, что разделение властей не имеет значения в качестве теории для современного правительства. Кроме того, этот подход избегает ошибки в том, чтобы полагать, что отсутствие четкого различия между двумя явлениями означает отсутствие различий между ними. Однако, несмотря на то что он смягчает некоторые наиболее очевидные критики так называемой чистой концепции разделения властей, он не решает всех проблем с ортодоксальным пониманием. Во-первых, он продолжает описывать различия между ветвями власти в терминах одной единственной функции - хотя это может быть скорее основной, чем исключительной. Это проблематично, поскольку известно, что перекрёстное взаимодействие функций присутствует не только на периферии различных функций, но и

является значительным, всепроникающим и неизбежным. Как отмечала Виктория Нурс, это "открытая тайна, что все ведомства выполняют функции других ведомств" [5, с. 227].

Во-вторых, даже те, кто придерживается подхода с "основными функциями", сталкиваются с огромным вызовом в определении - а затем описании - какие именно являются основными функциями ветвей власти. Рассмотрим, например, исполнительную власть. В большинстве современных государств мы отклоняем вывод о том, что ее основная функция заключается в исполнении или введении в действие политики, а остальные функции отводятся на второстепенное или периферийное место. Во многих странах мы рассматриваем исполнительную власть как орган, который иницирует, а не внедряет политику. Какова "основная" функция судов? Это разрешение индивидуальных споров, применение закона, поддержание правового порядка или контроль над другими ветвями власти? Задача определения основной функции законодательных органов проходит не лучше. Хотя, безусловно, соблазнительно сказать, что основная задача законодательного органа заключается в законотворчестве, это широко обсуждается политологами, которые утверждают, что законодательные органы обычно выполняют множество функций, и далеко не всегда очевидно, что законодательство является наиболее важным среди них. Для многих главная роль законодательного органа заключается не в законотворчестве, а в проверке и вынесении суждений по законодательным предложениям, выдвигаемым исполнительной властью. Следовательно, смягчение строгости чистой доктрины путем разрешения ветвям власти осуществлять периферийные или некоренные функции не полностью избавляет от "неразрешимых головоломок", поставленных чистой доктриной.

Давайте обратимся к идее "разделения как ограничения". Очевидно, что если суть этой идеи заключается в том, чтобы призвать каждую ветвь ограничить себя в осуществлении только одной функции, то это будет уязвимо для некоторых тех же проблем, с которыми сталкивается подход "одна ветвь - одна функция". В конце концов, если каждая ветвь осуществляет более одной функции (и даже если это неизбежно и желательно), то подход "разделение как ограничение" будет казаться ошибочным предписанием. Однако он сталкивается с дополнительными трудностями. Когда мы рассматриваем, как каждая ветвь выполняет свои соответствующие задачи, мы видим, что идея институционального "ограничения" не улавливает важного аспекта институциональной практики. Это взаимозависимость и взаимодействие между тремя ветвями власти при осуществлении их соответствующих ролей в конституционном строе.

Рассмотрим, например, роль законодательной власти. Когда законодательный орган принимает закон, у него есть ряд законодательных инструментов в его распоряжении. Один из таких инструментов - полагаться на неопределенные термины в тексте закона, такие как "разумная забота", "оскорбительное поведение" или "в разумные сроки". Когда законодательный орган прибегает к использованию таких терминов, законопроект устанавливает общую правовую базу, оставляя другим органам (часто судам) заполнение пробелов и выяснение, как его следует применять в отдельных случаях. Это пример того, что Джозеф Раз назвал "направленными полномочиями", то есть, когда законодательный орган предоставляет другим институциональным акторам (либо министрам, либо подчиненным административным органам, либо судам) дискреционное право решать, что требует закон, с учетом целей, которые должны быть достигнуты при осуществлении этих полномочий. И, как отмечает

Раз, "основная функция направленных полномочий заключается в введении и поддержании определенного разделения власти и полномочий между различными органами".

Распространенность различных видов направленных полномочий в законодательстве иллюстрирует некоторые ограничения взгляда на "разделение как ограничение". Когда принимается решение о законодательстве, законодательный орган не ограничивается своей собственной функцией в изоляции. Напротив, неотъемлемой частью законодательной роли является принятие решений о соответствующем разделении полномочий между различными органами государственной власти, оценка относительной компетентности каждого органа и учет той роли, которую могут играть другие органы. Это не должно нас удивлять, поскольку законодательный орган часто зависит от судов и других акторов для реализации и введения в действие принятого им законодательства.

Та же самая взаимодействие и взаимозависимость проявляются, когда мы рассматриваем ту же самую ситуацию с точки зрения судов. Фактически, с этой точки зрения взаимозависимость ветвей власти кажется еще более выраженной, поскольку зависимость судов от законодательной власти является определяющей особенностью институциональной роли судов, так как судьи должны применять законы, принятые законодательным органом. Однако, несмотря на эту прикладную роль, ошибкой было бы считать судебную роль совершенно пассивной. Законодательство может содержать "направленные полномочия", направляя их развивать закон в способы, не регулируемые законом, хотя и ограниченные его установленной рамкой. Кроме того, когда суды имеют дело с областью права, которая частично регулируется законодательством и частично судебной практикой, суды должны интегрировать законодательство с доктриной и обеспечивать общую согласованность в праве, чтобы законодательство и доктрина могли эффективно работать вместе.

Следовательно, бесполезно говорить, что ветвям власти следует ограничиваться своей собственной функцией, если это означает, что они принимают свои решения в изоляции от действий и решений других ветвей власти или не обращают на них внимания. Как выразился Ахарон Барак, ветви власти не являются "латифундиями, не имеющими между собой связи". Для выполнения своих соответствующих ролей каждая ветвь должна учитывать роль и обязанности других ветвей. Взгляд на "разделение как ограничение" не улавливает взаимодействия и взаимозависимости в способе выполнения каждой ветвью своих соответствующих задач [5, с. 228].

Учитывая недостатки идей "одна ветвь - одна функция" и "разделение как ограничение", которые лежат в основе чистой доктрины, могло бы показаться соблазнительным полностью отвергнуть разделение властей как значимый конституционный идеал. Именно такой путь выбрали многие британские ученые XIX и XX веков. Они выражали сожаление по поводу "легкой соотнесенности" между функцией и институтом, предполагаемой чистым или ортодоксальным подходом, и многие ученые считали разделение властей совершенно нерелевантным для британского конституционного права. В Соединенных Штатах же жесткие и формальные предписания вида "одна ветвь - одна функция" подтолкнули ведущих ученых призвать к отказу от разделения властей как от устаревшего идеала для современного правительства [5, с. 228].

Однако, хотя мы определенно должны отвергнуть чистую доктрину, это не означает, что мы должны полностью отказаться от принципа разделения властей. Напротив, недостатки чистой доктрины должны побудить нас разработать более правдоподобное представление

о разделении властей, которое не поддается тем же недостаткам, что и чистая доктрина. Такая концепция сталкивается с двумя вызовами. Первый вызов заключается в предоставлении осмысленного способа учета различности ветвей власти таким образом, чтобы это не привело к неправдоподобному эссенциализму о функциях, который преследовал чистую доктрину с момента ее появления. Мы можем назвать это требование различимости. Второй вызов состоит в разработке концепции разделения властей, которая может учитывать взаимодействие и взаимозависимость между ветвями власти. Мы можем назвать это требование взаимодействия. Обладая этими двумя требованиями в качестве направляющих принципов, мы можем приступить к реконструктивному усилию.

II. Разделение властей: Пересмотренный взгляд.

Давайте зададимся простым вопросом: зачем вообще разделять власть между разными органами государственного управления? Никто не хочет вернуться к единой власти, когда один человек или орган имеет возможность принимать все решения. Но почему? Что мы получаем от того, что разделяем власть между различными органами государственного управления? Классический ответ XVIII века на этот вопрос состоит в том, что разделение властей помогает предотвратить риск тирании и возможного злоупотребления властью. Как предостерегал Монтескье: "Постоянный опыт показывает нам, что каждый, кому доверена власть, склонен злоупотреблять ею, и использовать свои полномочия настолько это возможно". Решением стало разделение власти между отдельными органами правления, чтобы никакой один орган не становился всеопустительным, при этом позволяя им контролировать и сдерживать друг друга при необходимости. До настоящего времени ограничение злоупотребления властью, и предотвращение ее концентрации рассматриваются как основная цель разделения властей [5, с. 229].

Однако это не учитывает здравую интуицию, лежащую в основе взгляда "одна ветвь — одна функция", а именно, что должна существовать некоторая значимая корреляция между характером определенных институтов, с одной стороны, и задачами, которые мы им назначаем, с другой. Если единственная цель разделения властей — предотвращение концентрации власти в одном лице или органе, то эту цель можно было бы достичь, рассеяв власть случайным образом среди различных органов. Если проблема состоит в концентрации власти, то рассеивание власти представляется очевидным решением, независимо от формы этого рассеивания. Аналогично, если основная цель — обеспечить контроль и мониторинг власти, то эту цель можно было бы достичь, устанавливая институциональные механизмы контроля, не задумываясь об основах первоначального распределения власти.

Хотя с конституционной точки зрения мы крайне неохотно принимаем идею о том, что власть должна распределяться между различными ветвями случайным образом. Нам очень важно, кто принимает решения в конституционном праве. Мы не только хотим обеспечить, чтобы правильные решения принимались институтами, управляющими нами, но и заботимся о том, приняты ли правильные решения правильным органом. Иными словами, наше конституционное мышление чувствительно к вопросам юрисдикции, которые являются ключевым определителем политической легитимности. Поэтому нам нужно положительное обоснование для распределения власти между конкретными ветвями, превышающее отрицательные причины, заключающиеся в стремлении избежать концентрации власти. Можно ли найти такое обоснование?

Одно из возможных обоснований коренится в характере управления и многозадачности, которую это требует. Ответственное управление в любом сложном обществе включает в себя множество различных задач. Каждая страна нуждается в исполнительном органе для инициирования и принятия решений в области политики. Но, помимо этого, ответственному правительству нужен способ создания ясных, открытых, перспективных, стабильных, общих правил для общества. И, как отметил Х. Л. А. Харт, любая сложная правовая система нуждается в средстве разрешения споров о правилах и их применении. Однако нет одного универсального процесса принятия решений, который был бы подходящим для всех задач, которые должно выполнить государство. Обычно нам нужно независимый орган (суды), чтобы разрешать споры о правилах, необходимых в отдельных случаях; и нам нужно делиберативное и представительное тело (законодательное собрание), чтобы создавать общие правила для общества, которые можно разработать и изменить обдуманно [12, с. 598].

Здесь мы имеем зерна разделения полномочий между тремя ветвями власти. Это показывает, что цель разделения власти не только в случайном распределении власти среди различных органов, но и в создании двух конкретных ветвей власти - судов и законодательной - которые отличаются от исполнительной ветви, и к которым исполнительная власть будет нести ответственность. Обратите внимание, что, согласно этому пониманию, разделение властей обусловлено двумя основными задачами институционального проектирования. Первая — это распределение власти и поручение задач тем органам, которые лучше всего способны их выполнить. В литературе по разделению властей это иногда называется ценностью "эффективности". Вторая - введение механизмов для исправления потенциального злоупотребления властью и юрисдикционного расширения.

Как мы определяем, как распределять власть между разными ветвями правительства? Обычно мы оцениваем, насколько орган подготовлен к выполнению определенных задач, частично благодаря различным процедурным характеристикам, которыми может обладать этот орган, таким как его состав, процесс принятия решений, ресурсы, доступ к информации, а также навыки и экспертиза людей, работающих в этих органах. Понимание органа требует, чтобы мы обращали внимание на причины выбора и поддержания этого органа. Это означает, что для того, чтобы определить, какие задачи поручить каким институтам, нам нужно связать эти задачи с соответствующими процессами принятия решений и ценностями, которые различные институциональные роли должны служить. Другими словами, мы должны связать субстантивные задачи с процессами принятия решений.

Например, чтобы иметь эффективный орган для разработки ясных, открытых, перспективных и стабильных правил для общества, нам нужна законодательная ассамблея, структурированная таким образом, чтобы она могла обсуждать законодательные предложения и принимать, и изменять законы в ответ на все причины, которые имеют отношение к таким решениям. Тот факт, что законодательная ассамблея подотчетна избирателям, предоставляет ей ряд институциональных стимулов. Само собой разумеется, что ее решения будут отражать пожелания избирателей различными способами. Это также способ обеспечения достаточной поддержки и сотрудничества среди населения и получения обратной связи по законодательным предложениям из различных точек зрения. Кроме того, ее связь с избирателями обеспечивает ей политическую легитимность для принятия публичных политических решений от имени общества.

Аналогично, чтобы иметь эффективный арбитражный орган для разрешения споров о том, что требует закон, нам нужен орган, который является независимым (как от исполнительной и законодательной власти, так и от отдельных сторон). Быть независимым помогает судам разбирать споры справедливо и беспристрастно между противоборствующими сторонами, применяя закон честно к рассматриваемому спору. Независимость судов обеспечивает, что они не станут простым инструментом исполнительной или законодательной власти при разрешении споров о том, что требует закон. Она позволяет им сопротивляться давлению от этих других ветвей власти, тем самым укрепляя их способность соблюдать принцип верховенства закона.

Как эта деловая деятельность отличается от чистой доктрины, которая выступала за тесную однозначную корреляцию между ветвью и функцией? Основное различие состоит в том, что вместо попытки отличить ветви власти в терминах единичных взаимоисключающих функций, здесь принятый подход интерпретирует разделение властей как разделение полномочий между отдельными органами власти, где каждый орган выполняет различную институциональную роль. Следует отметить, что различие между институциональными ролями судов и законодательной власти не прямо соотносится с различием между функцией принятия закона и функцией его применения. Фактически, оно пересекается с этим различием, потому что институциональные роли могут охватывать ряд различных функций. Согласно выдвинутому здесь взгляду, различные институты могут разделять полномочия и функции, выполняя при этом различные роли в общем деле управления.

Однако, как только мы признаем некоторое совместное использование и перекрытие функций, возникает опасение, что такой подход к разделению властей не соблюдает требование различимости. Например, если как суды, так и законодательная власть принимают законы, как мы можем отличить их друг от друга? Ответ заключается в том, что хотя обе институты принимают законы, они делают это по-разному - способы, которые определяются их разными ролями в конституционной схеме. То есть существует важное качественное различие между законодательным законодательством, с одной стороны, и судебным законодательством, с другой.

В общем, способность и власть судов вносить новые законы обычно ограничены по сравнению с законодателями, поскольку суды обычно принимают законы, заполняя пробелы в существующих правовых рамках, постепенно расширяя существующие доктрины на основе конкретных случаев, адаптируя их к изменяющимся обстоятельствам и т. д. Судебные полномочия по принятию законов обычно являются фрагментарными и пошаговыми, и суды должны руководствоваться законом, даже когда его разрабатывают. В отличие от этого, законодатели имеют возможность вносить радикальные, широкомасштабные изменения в законодательство, которые не основаны на существующих правовых нормах. Таким образом, как отметил Джон Гарднер: "В действительности, с моральной точки зрения под заголовком "разделения властей" важно не разделение законодательных полномочий по принятию законов от судебных полномочий по применению законов, а скорее разделение законодательных полномочий по принятию законов (т. е. полномочий по созданию правовых норм, которые не имеют юридического прецедента) от судебных полномочий по развитию права постепенно с использованием существующих правовых ресурсов" [5, с. 232].

Конечно, иногда в законотворческих задачах, выполняемых обеими институтами, имеется перекрытие. Некоторые законодательные действия являются пошаговыми и интер-

стициальными, а некоторые судебные решения могут иметь широкие последствия. Тем не менее, обе ветви власти подчинены различным институциональным ограничениям и стимулам, которые возникают из и определяют рамки и пределы их конституционной роли.

Однако на последний вопрос, возникший из требования дистинктности, следует ответить: требует ли разделение властей разделения кадрового состава? Очевидно, что некоторое разделение людей между ветвями власти рекомендуется как общее правило. Есть некоторые задачи, выполнение которых было бы затруднительным, если бы их выполняла только одна личность или орган. Например, может быть сложно принимать решения одному органу и затем проверять или контролировать их, поскольку орган может стать уязвимым для различных форм предвзятости и собственных интересов, что препятствует эффективному контролю за исходным решением. Фактически это общепринятый способ показать, что разделение властей (и кадров) требуется правовому государству. Согласно этому взгляду, сама идея правительства, подчиненного закону, требует того, чтобы закон соблюдался и применялся (против правительства и/или законодательной власти) независимыми судами.

При этом необходимость определенного разделения кадров не означает, что мы должны занять абсолютную позицию по этому вопросу. Мы хорошо знаем о возможности того, что один человек или орган может выполнять несколько функций, что в целом способствует эффективному правлению. Аналогичные аргументы использовались в Великобритании в поддержку того, что судьи были членами верхней палаты законодательного органа (Палаты Лордов). Там аргументировали, что судьи могут внести свои знания в области права и судебную экспертизу в процесс законодательства, при этом сохраняя свою независимость при рассмотрении дел. Разделение ролей поддерживалось в основном за счет соблюдения конституционных обычаев, обеспечивающих саморегулирование соответствующих кадров. Здесь не место для повторения или оценки аргументов за и против таких аранжировок. Это просто намек на то, что такие перекрытия не обязательно исключаются принципом разделения властей, при условии соблюдения "разделения в мыслях" [5, с. 233].

III. Комбинирование разделения и надзора.

До сих пор я аргументировал, что разделение властей требует деления полномочий между ветвями власти, так чтобы каждая выполняла определенную роль в конституционной системе. Но мы еще не говорили о системе контрольно-сбалансированных властей. Это может показаться серьезным пробелом, учитывая, что современная литература о разделении властей, особенно та, которая сосредоточена на системе США, подчеркивает центральное значение контроля и сбалансированности. Действительно, многие аргументируют, что такой контроль является самой "сутью" разделения властей. В этом разделе я буду аргументировать, что рассмотрение деления полномочий не исчерпывает смысла или обоснования разделения властей. Чтобы предотвратить злоупотребление властью (важную проблему институционального дизайна), необходимо дополнить деление полномочий системой контроля и сбалансированности. Кратко говоря, нам нужно объединить разделение с надзором.

При рассмотрении этого вопроса полезно вспомнить каноническое изложение Джеймса Мэдисона о ценности контроля и сбалансированности в рамках конституционного разделения властей. В своих статьях "Федералист" Мэдисон аргументировал, что первая задача разделения властей заключается в том, чтобы осуществить "деление правительства на отдельные и независимые ведомства", где каждое ведомство должно иметь "свою волю". Но затем "следующая и наиболее сложная задача заключается в обеспечении практической безопасно-

сти каждого ведомства от вторжения других". Мэдисон утверждал, что недостаточно "точно обозначить границы этих ведомств (правительства) и полагаться на пергаментные барьеры для предотвращения нарушения духа власти. Чтобы избежать риска злоупотребления властью, мы должны "так устроить внутреннюю структуру правительства, чтобы его отдельные составляющие части могли, благодаря взаимоотношениям между ними, служить средством для поддержания друг друга на своих местах" [5, с. 233-234].

Таким образом, контроль и противовесы необходимы в рамках разделения властей для предотвращения захвата одной ветви власти другой и обеспечения каждой ветви необходимыми конституционными средствами для сопротивления такому захвату и его предотвращению. Контроль и противовесы помогают защищать разделение, а также гарантируют, что каждая ветвь не выходит за рамки своей роли в конституционной системе. Это вытекает из нормальных принципов институционального дизайна. При создании институтов мы должны структурировать их таким образом, чтобы они могли использовать свои институциональные преимущества. Однако мы также должны учитывать, как смягчить любые связанные с этим риски. Вот почему разделение властей включает как компонент деления полномочий, так и компонент контроля и противовесов. Внедрение разделения властей является "двусторонним упражнением", включающим как выявление ценной роли каждого института, так и понимание сопутствующих рисков.

Под этим углом зрения разделение властей имеет как положительное, так и отрицательное измерения. С позитивной стороны, оно предоставляет нам принципиальную отправную точку для размышлений о том, как распределить власть между различными институтами. Положительное измерение разделения властей объясняет, почему оно играет фундаментальную роль в формировании конституции. В конце концов, первая (положительная) задача конституции заключается в создании правительства - в установлении институциональной структуры для организации правительства, определении полномочий и процедур различных институтов и основной структуры правовой системы. Но хорошая организационная структура правительства также потребует наличия механизмов, направленных на сдерживание потенциального злоупотребления властью и обеспечение уверенности и безопасности в том, что каждая ветвь власти будет соблюдать свои ограничения при выполнении своей роли. Следовательно, разделение властей также выполняет отрицательную функцию ограничения, ограничения и контроля над властью правительства. Как сказал Кристоф Моллер, «разделение властей не следует понимать как чистый инструмент ограничения политической власти. Это также инструмент, который конституирует эту власть». Оно воплощает то, что Вайл описывал как двойные ценности согласования и контроля [5, с. 234].

IV. Совместное управление в общем деле.

До этого момента я говорил, что разделение властей включает как компонент деления полномочий, так и компонент контроля и противовеса. Задачей этого раздела является показать, что оба эти элемента лежат в основе более глубокой ценности - согласованного институционального усилия между ветвями власти в интересах хорошего правительства. Я назову это "совместным предприятием в управлении" для краткости. На первый взгляд, этот аргумент кажется парадоксальным. Как разделение властей может быть обосновано ценностью согласованного институционального действия в рамках общего предприятия?

Парадокс рассеивается, когда мы осознаем, что существуют различные формы и уровни разделения властей, не все из которых исключают координацию или совместное действие

между разделенными органами. Если мы поддерживаем чистую доктрину, мы рассматриваем ветви власти как полностью отдельные - изолированные и защищенные от других ветвей. Однако с пересмотренной точки зрения мы рассматриваем ветви власти не как отдельные сущности, ограниченные выполнением одной единственной функции, а как составные части общего предприятия, каждая со своей ролью. Хотя они различны, эти части должны работать вместе. Хотя они независимы друг от друга, они также взаимозависимы в различных, тонких аспектах. Верховный суд США выразил эту идею о разделенных, но взаимосвязанных ветвях, когда отметил:

"Хотя Конституция разделяет власть с целью обеспечения свободы, она также предполагает, что практика интегрирует рассеянные полномочия в функционирующее правительство. Она настаивает на том, чтобы ее ветви были отдельными, но взаимозависимыми, автономными, но взаимоотношительными" [5, с. 235].

Некоторая взаимозависимость становится заметной, когда мы рассматриваем задачи законодательства и судопроизводства. Здесь мы видим, что ветви власти должны учитывать действия и решения других ветвей при выполнении своих собственных задач. Ни одна ветвь не может выполнить все задачи управления. Поэтому каждая ветвь вносит свой (неизбежно) частичный вклад в совместное предприятие. Законодательный орган может принимать общие правила и предоставлять законодательную основу, но суды должны определить, что эти общие правила означают и требуют в конкретных случаях, что может включать в себя разрешение неопределенности в значении, заполнение пробелов в структуре и интеграцию отдельных законодательных положений в общую структуру правовых принципов. Здесь мы видим законодательство как совместное предприятие, в котором каждая ветвь вносит свой вклад в различные элементы, отражающие их особые институциональные структуры, навыки, компетенцию и легитимность. Таким образом, при принятии решений в рамках схемы управления каждая ветвь должна признавать то, что Джереми Уолдрон назвал "структурой коллективного действия" проблем, с которыми они сталкиваются, и решений, которые им приходится принимать. С этой точки зрения разделение властей — это не только принцип, который определяет распределение власти и деление полномочий, но также отношения между тремя ветвями при выполнении их отдельных ролей как части совместного предприятия [5, с. 235].

Одной из центральных черт этого совместного действия является требование взаимного уважения между институтами, называемое межинституциональной комитетностью. Межинституциональная комитетность — это "то уважение, которое один великий орган государства должен другому". Как сказал Верховный Суд (ранее Палата лордов) в деле Джексон против Генерального прокурора, "хрупкий баланс между различными институтами... в значительной степени поддерживается взаимным уважением, которое каждый институт испытывает к другому". Это далеко не особенность системы разделения властей в Соединенном Королевстве. Требование взаимного уважения между институциональными актерами является обобщаемой чертой любой конституционной системы, основанной на принципе разделения властей [5, с. 235-236].

Как различные ветви власти проявляют уважение к решениям других ветвей как вкладом в совместное предприятие доброго управления? Это будет различаться в зависимости от института и его взаимоотношений с другими институтами. Но в общих чертах это включает как требование предоставления пространства для действий других институтов, так и требо-

вание взаимной поддержки. Комитетность требует, чтобы каждый институт предоставлял другим институтам возможность осуществлять свои собственные задачи и функции (требование предоставления пространства). Они должны уважать юрисдикцию других институтов и понимать, что другие институты могут быть лучше место для выполнения определенной задачи. Как указал Верховный суд Соединенного Королевства, как суды, так и законодательная власть должны признавать, что каждый институт имеет "свою собственную роль в нашей конституции и что каждый должен быть осторожен, чтобы уважать сферу действия другого".

Все институты должны проявлять некоторую самоограниченность, когда это уместно, как для того, чтобы они оставались в своей юрисдикции, так и для того, чтобы они не проникали в юрисдикцию другого института. Самоограниченность также может быть необходима в смысле воздержания от критики решений других ветвей власти, когда это может подорвать способность этой ветви выполнять свою работу хорошо. Помимо этой самоограниченности, каждой ветви власти может потребоваться активно поддерживать решения других ветвей, либо, реализуя эти решения, либо толковать их таким образом, чтобы уважать основные субстанциональные и институциональные выборы или поручая другим институтам задачи, которые они могут хорошо выполнить (требование взаимной поддержки). Они должны поддерживать друг друга в общем продвижении доброго управления.

Идея, что ценностью, лежащей в основе принципа разделения властей, является согласованное институциональное усилие в совместном предприятии управления, может показаться досадной, учитывая сильное влияние чистой доктрины на наше понимание разделения властей. Однако идея того, что ветви власти являются одновременно независимыми и взаимозависимыми - отдельными, но взаимосвязанными, также имеет свою историю в канонической литературе. В конце концов, одним из центральных осознаний Мэдисона было то, что мы не должны рассматривать законодательную, исполнительную и судебную власть как "полностью не связанные между собой". Действительно, Мэдисон видел ветви власти как "составные части" общей схемы правления, и именно "их взаимоотношения" должны обеспечивать "средства для сохранения каждой в своем месте" [12, с. 322-323]

Часто считается, что, рекомендуя систему контрольно-сбалансированных властей, Мэдисон внес в более традиционное понимание разделения властей элемент взаимосвязи или межинституционального взаимодействия. Это верно. Однако с точки зрения здесь выдвинутой концепции, взаимосвязь идет гораздо дальше простого существования системы контрольно-сбалансированных властей. Она включает в себя более позитивные формы межинституционального взаимодействия, где ветви власти должны учитывать действия друг друга и работать в партнерстве. Взаимный надзор осуществляется на фоне более широкого контекста взаимного уважения и поддержки. Таким образом, восстановленная точка зрения удовлетворяет потребности взаимодействия, не только признавая необходимость системы контрольно-сбалансированных властей, но также признавая более широкий контекст конституционных отношений между ветвями власти. В некоторых контекстах взаимодействие между ветвями власти будет контрольным, где целью является проверка, рецензирование и ответственность друг перед другом. В других случаях взаимодействие будет формой сотрудничества, где ветви власти должны поддерживать роль друг друга в совместном предприятии [5, с. 237].

V. Заключение.

Эта часть статьи аргументирует необходимость отказаться от чистой доктрины в пользу пересмотренного взгляда, который лежит в основе ценности скоординированных институциональных усилий в совместном предприятии управления. Аргумент, представленный здесь, отличается от традиционных представлений о разделении властей по двум основным направлениям. Во-первых, вместо различения ветвей власти в терминах трех взаимоисключающих функций, мы должны думать о разделении властей как о требуемом разделении полномочий, где каждая ветвь играет определенную роль в конституционной схеме. Хотя полномочия разделены, функции могут быть общими.

Во-вторых, вместо концептуализации ветвей власти как изолированных или отделенных структур с "высокими стенами" между ними, представленный здесь взгляд подчеркивает необходимую взаимозависимость, взаимодействие и взаимосвязь между ветвями. Действия каждой ветви имеют последствия в сложной интерактивной среде, где ветви учитывают - и координируются с - действиями других ветвей. Они должны работать вместе в совместном предприятии управления.

Неоспоримо, что это понимание разделения властей предполагает менее строгое или жесткое разделение между ветвями, чем позволяло бы ортодоксальное представление. Но строгие положения чистого взгляда нигде не соблюдаются. В каждой конституционной демократии догма о строгом разделении функций "резко контрастирует с фактическим конституционным распределением власти, а также с конституционной практикой и реальностью". Некоторое смешение функций как неизбежно, так и желательно. Но если это так, что объясняет упорное привлекательность чистой доктрины на протяжении веков?

Некоторые комментаторы предположили, что ключ к "глобальному распространению" чистой доктрины заключается в ее соблазнительной простоте. В конце концов, чистый взгляд предоставляет ясный и простой способ различения между ветвями власти, а также четкий ответ на звучное предположение о том, что должна существовать определенная значимая корреляция между характером каждого института и порученными ему задачами.

Однако стоит помнить, что принцип разделения властей был установлен как основополагающий принцип конституционного управления в период, когда главной заботой было ограничение власти и предотвращение ее злоупотребления. В контексте опасений перед тиранией в XVIII веке разделение властей использовалось как лозунг, требующий строго отделенных по функциональным линиям ветвей власти и/или системы контроля и противовесов, рассматриваемых как мощные "санкционирующие механизмы". Обе эти концепции были основаны на недоверии к политической власти и задуманы как способ сохранения каждой ветви правительства в рамках определенных ограничений. Поскольку главной целью было предотвращение тирании и злоупотребления властью, строгая формализованная триподная доктрина стала "голосом уверенности" в том, что ограничения власти будут соблюдены.

Как часто бывает, когда политическая идея захватывает воображение большого количества людей и используется в политической борьбе, её основные принципы становятся упрощенными лозунгами, мало соответствующими оригинальным идеям, которые её вдохновили. Это произошло с разделением властей в XVIII веке, когда убедительно простая идея "одна ветвь - одна функция" стала популярным кратким обозначением для гораздо более сложного, нюансированного и взаимодействующего деления полномочий между ветвями власти, существовавшего в конституционной практике. Если рассматривать это как описательное утверждение, то идея "одна ветвь - одна функция" была недостаточно обоснованной.

Однако, если взглянуть на неё предписывающим образом, как сокращенное выражение обязательства для всех трех ветвей власти обеспечивать, чтобы они не выходили за рамки своей правомочной конституционной роли, то её привлекательность становится более очевидной. Привлекательность строгой идеи "одна ветвь - одна функция" заключается в том, что она кажется обещанием ограничения функций правительства.

Проблема заключается в том, что чистое видение не может выполнить данное обещание, в значительной степени, потому что оно радикально оторвано от практики современного конституционного правительства. Несмотря на его устойчивую привлекательность, описательные и нормативные недостатки чистого взгляда также привели к широкому разочарованию в разделении властей, что объясняет глубокую амбивалентность вокруг этого принципа вплоть до сегодняшнего дня. Не только чистое видение предполагает невозможно тесную связь между каждым институтом и его соответствующей функцией, оно затмевает необходимые и желательные взаимосвязи, взаимозависимость и взаимодействия между ветвями власти. Фактически, оно идет дальше, проецируя предпологаемо отрицательное свет на такие взаимодействия.

Подход к разделению властей, изложенный в этой части статьи, включает в себя институциональное взаимодействие и сотрудничество как неотъемлемую часть идеала разделения властей, а не антитезу его основным требованиям. Он подчеркивает, что законотворчество, применение законов и исполнение законов являются совместными задачами, в которых каждый орган власти должен сотрудничать с другими органами в интерактивной среде. Мы должны отвергнуть жесткости чистой доктрины, вместе с неправдоподобным существенным подходом к функциям, на котором она основана. Освободившись от ее ограничений, мы можем рассмотреть возможность распределения функций и власти между ветвями власти, где каждая имеет свою особую роль в совместном предприятии правления.

Библиография

1. Barendt, E.M. Separation of Powers and Constitutional Government. *Public Law* (1995): 599-619.
2. Barendt, E. M, Is there a United Kingdom Constitution? *Oxford Journal of Legal Studies*, Volume 17, Issue 1, Spring 1997, pp. 137–146; <https://doi.org/10.1093/ojls/17.1.137>
3. Carolan E. *The New Separation of Powers: A Theory of the Modern State*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 320 p.
4. Dimitrios Kyritsis (Author), George Pavlakos (Series Editor). *Shared Authority: Courts and Legislatures in Legal Theory (Law and Practical Reason)* UK ed. Edition. (Oxford: Hart Publishing) – 2015, 182 p.
5. David Dyzenhaus and Malcolm Thorburn *Philosophical Foundations of Constitutional Law*. (Oxford: Oxford University Press, 2013) 332 p.
6. Galligan, Denis (ed.) - *Constitutions and the Classics: Patterns of Constitutional Thought from Fortescue to Bentham* - Oxford, 2014 (online edn, Oxford Academic, 22 Jan. 2015) - 456 p.
7. Kyritsis, Dimitrios. "Constitutional Review in Representative Democracy." *Oxford Journal of Legal Studies*, vol. 32, no. 2, 2012, pp. 297–324. JSTOR. Available at: <http://www.jstor.org/stable/41682780>.

8. M. J. C. Vile, *Constitutionalism and the Separation of Powers*. Oxford: Oxford University Press, 1967, 376 p.
9. Mollers C., *The Three Branches: A Comparative Model of Separation of Powers*. Oxford: Oxford University Press, 2013, 275 p.
10. Монтескье Ш. Л. *О духе законов*. М.: Азбука, 2023. - 832 с.
11. Richard J. Pierce Jr., *Separation of Powers and the Limits of Independence*, 30 *Wm. & Mary L. Rev.* 365 (1989). Available at: <https://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol30/iss2/11>
12. Roger Masterman, Robert Schütze - *The Cambridge Companion to Comparative Constitutional Law* - Cambridge University Press – 2019, 621 p.